

Жил в одной деревне мужичок. Жил не тужил, крестьянствовал: пахал, сеял, жал да сад разводил. Жену кормил, сыновей растил, уму-разуму учил. Только и было у него радости, что ласковая жена, три молодца в терему да наливные сладкие яблочки в зелёном саду. Сам мужичок жил по правде и сыновей тому учил, да по-разному сыновья заветы отца принимали. Младший-то все слова родимого батюшки в сердце хранил да соблюдал. А старшие-то — в правое ухо впускают, в левое выпускают... В саду мужичок по яблоньке посадил на каждого сына и учил их, как те яблоньки растить-наблюдать; как выхаживать сладкие яблочки: как в жару от солнца оберегать, как на зореньку выставлять. Всех трёх сыновей тому учил. Но ни у одного из старших сыновей не вызревало таких яблочек, как у младшего сына: румяны, сладки, душисты были они. Вот так-то и росли яблочки в саду и добры молодцы поднимались в терему. Каковы росли, таковы и выросли. Старшие-то к работе не рвались, без работы не скучали, к старым да малым были неприветливы. А младший-то был на работу охочий: с утренней зари не покладая рук и в саду, и по дому знай хлопочет, да и душой-то вырос он добрый, ласковый, приветливый. И мать и отец, глядя на младшего сына, не нарадуются... Да на свете бывают не одни радости. Глядишь, набежит и горе горькое. Вот и заглянуло горюшко в том царстве на два двора: на двор к царю и на двор к мужичку. У мужичка беда жену в могилу уложила, а у царя единую дочь, красавицу, умницу-разумницу к постели накрепко приковала. Вроде бы и ничего у неё не болит, а не может девица ни встать, ни сесть, ни в постели поворотиться. Куда только делась её силушка? Лежит она, бедная, пластом, побелела вся... Собрал царь-государь лекарей со всего света белого. Лечат они, лечат царевну, а толку нет. Сыплет царь им золотой казны без счёта — только бы вылечили дитятко! Да не легчает ей, голубушке, ни от питья, ни от мазей! Лежит царевна, не шевельнётся, в лице уж ни кровинушки не осталось. Удумал тогда царь созвать со всего царства-государства людей старых, людей мудрых, да спросить у них совета: не скажет ли кто, как царевну вылечить? Как от беды избавиться?! Вот и потянулись ко дворцу царскому старицы и старцы древние, иной уже вторую сотню лет на плечах несёт. Как собрались они в палатах царских, выходил к ним царь-государь. Они ему в пояс низко кланялись, а царь им и пониже того поклонился. Молвил царь: — Люди вы старые, люди вы мудрые! Много вы на свете жили, много горя видели, да видели ли вы такое горе, как моё?! Близ полугода лежит моя единственная доченька. Ни рукой, ни ногой дитятко двинуть не может, в лице уж ни кровиночки не осталось. Лечили её доктора и питьём, и мазями, да толку нет. Еле жива царевна-голубушка. На вас моя надежда теперь. Поглядите вы на мою доченьку. Может, кто из вас подскажет, как избыть эту хворь лютую? И потянулись люди старые в опочивальню девичью... На царевну глядели, головами качали, ничего не сказали... А позади всех шла старая-престарая старушка. Spина у неё сгорблена, голова уже в плечи ушла, во рту ни

зубочка не осталось... И только глаза ясные, мудрые, живые... Подошла она к царевне, зорко глянула, наклонилась

над ней, над голубушкой, пошептала что-то; потом повернулась к царю и промолвила:

— Не горюй уж так, царь-батюшка! Есть ведь управа на лихую ту болезнь! И не питьё то, и не мазанье, а сладкое наливное яблочко, добрыми руками выращенное. Коли найдётся в нашем царстве такой человек, что выпестует яблочко, царевну жалеючи, счастья ей желаячи, о себе забываячи,— нальётся яблочко соком исцеляющим. Как съест то чудесное яблочко царевна, так и воротится к ней её силушка. Встанет она, голубушка, на резвые ноженьки и забудет про хворь лютую... Ну, а уж коли во всём царстве не найдётся такого человека — готовь могилку милу детищу!.. Низёхонько поклонился царь старушке той. Хотел оставить её жить во дворце, золотой казной наградить хотел... Ото всего отказалась старая:

— Нет,— говорит,— царь-батюшка, жить мне уж осталось немного. Помереть хочу на своей печи. И казна золотая мне не надобна. А вот как поправится твоя доченька от чудесного яблочка,— помяни меня добрым словом!..— Сказала так-то, да и пошла старая прочь из дворца. И помчались, полетели во все концы царства гонцы. По царскому приказу везде кликнули они клич:

— Люди добрые! Старые старики, красные девицы, добрые молодцы! Вы несите-ка, несите к царю-батюшке в терем самолучшие яблочки, своими руками взращённые, дочке царской на выздоровление. Коли чудесное яблочко, от какого царевна выздоровеет, принесёт стар человек,— будет он доживать свой век у царя во дворце, в радости; коли чудесное яблочко принесёт красная девица,— будет она царю второй дочерью: станет царь её наряжать, жемчугами наряды её украшать, за любого царевича замуж отдаст; а коли исцеляющее яблочко принесёт добрый молодец,— отдаст ему царь в жёны дочку свою любимую и всё своё царство в приданое. И потянулись со всех концов люди со своими яблочками к царскому терему. Старики идут, о сладком куске, да о тепле думают; красные девицы о нарядах, жемчугах да женихах-царевичах; добрые молодцы — о потехах богатырских да пирах весёлых. И никому-то нет заботы о царевне. Докатилась молва о болезни царевны, о награде за чудесное яблочко и до трёх братьев, что яблоньки в родительском саду растили. Старшие-то, как прослышали про царство, что в награду будет дано,— волком друг на друга воззрились. Каждый думает:

«Только бы не от твоего яблочка царевна-то поправилась! Только бы не тебе, а мне царство досталось!»

И оба ждут не дождутся, когда же яблочки созреют! А младшенький, как услышал про царевну бедную, про её хворь лютую, зажалел её, бедную. Стал он в саду у яблоньки все дни проводить, с утренней и до вечерней зари. Всмотрел он на яблоньке яблочко попригляднее; стал он его от дневного зноя листьями укрывать; по утрам на красную зорьку, на солнышко восходящее яблочко то выставлять... Выхаживает, пестует яблочко, а сам знай приговаривает:

— Ты расти, расти, яблочко! Набирайся сока душистого, чтобы забыла царевна про хворь свою лютую, встала бы на резвые ноженьки, солнышку красному порадовалась бы, в саду погуляла бы... И растёт, растёт то яблочко, соком наливаясь, своей поры дожидается... Невтерпёж стало старшему брату дожидаться, пока на его яблоньке яблочки поспеют. Выбрал он то яблочко, что побольше других, порумянее было, да и отправился к царю. Только дошёл он до околицы, а навстречу ему старичок. Наш молодец на дедушку и не смотрит, перед стариком шапку не снимает, головы не клонит.

А старичок сам молвит ему ласково:

— Здорово, дитятко! Куда же это ты, дитятко, идёшь? Что в корзиночке несёшь? Наш молодец дедушке в ответ:

— А иду я куда глаза глядят. А в корзиночке моей лягухи сидят.

Лягухи?! — молвил старичок.— Ну, коли лягухи, так и пусть будут лягухи!.. Сказал так и пошёл своей дорогой. А молодец к царскому терему идёт, торопится, на корзиночку поглядывает, о царстве-богатстве раздумывает, ухмыляется... Вот и пришёл он к царю. А тому уж и смотреть на всех тошнёхонько: дочке-то всё хуже и хуже. Сколько уж яблок принесли, а она ни на одно и

посмотреть-то не захотела... Но всё же царь молвит молодцу:

— Ну, покажи мне своё яблочко. Открыл старший-то брат корзиночку, а оттуда одна за другой лягушки скок да скок! Рассказались по царской горнице...

Разгневался царь:

— Ты над моей бедой потешаться вздумал!... Или ты уж настолько глуп?! А молодец-то и впрямь стоит дурак дураком. Корзинку уронил, глаза выпучил,— не поймёт, что же это приключилось? Ведь корзинку он из рук не выпускал!..

— Эй, слуги верные! — закричал царь.— Дурака вон гоните, а нечисть эту из горницы уберите!

Прибежали царские слуги. Одни бросились лягушек ловить да в сад их выносить... А другие погнались молодца прочь от дворца. С версту, почитай, батогами угощали. Вернулся домой старший брат туча тучей. Ни с кем и слова не молвил. Обрадовался средний брат. Выбрал на своей яблоньке яблочко покрупнее, попригляднее, положил его в корзинку, шапку на голову да и прочь из дома. Скорее пустился к царскому терему. Только он за околицу вышел,— а навстречу уж ему идёт тот же старичок. Наш молодец был одного поля ягодка со старшим братом. На дедушку и не смотрит, с головы шапку не снимает, головы перед ним не клонит. А старичок сам с молодцом здоровается. Молвит ему так-то ласково:

— Здорово, дитятко! Куда же это ты так скоро идёшь? Что в корзиночке, дитятко, так бережно несёшь? А наш молодец ухмыльнулся да и ответил:

— Иду я куда глаза глядят, а в корзинке черви сидят!

— Черви сидят?! — удивился старичок.— Ну, коли черви сидят, пусть так и будет.— Молвил так-то да и пошёл своей дорогой. А молодец идёт, посмеивается, о царстве-государстве думает, на корзиночку поглядывает... Пришёл к царскому терему. Привели его к царю. Молвил молодцу государь:

— Покажи мне твоё яблочко. Открыл молодец свою корзинку, а оттуда черви так полезли, расплзаться стали по царской горнице... Охнул царь, глянул на молодца. А тот стоит, глаза выпучив, руки растопырив, дурак дураком. Никак не поймёт, куда яблоко делось? Откуда черви взялись?!

— Эй, слуги верные! Гоните прочь дурака! А всю нечисть эту уберите скорее из горницы! — крикнул тут царь.

Прибежали слуги царские. Выгнали среднего брата из дворца. Версты две батогами провожали. А те слуги, что червей собирали да в сад выносили, на чём свет стоит дурака ругали. Пришёл домой и средний брат туча тучей. Но вот вызрело яблочко у младшего брата. Стало оно сочным, румяным, а уж духовитым таким, что люди за плетнём останавливались, тому запаху дивились. Взял младший брат корзиночку, рушник матушкиной работы. Один его конец под яблочко подложил, другим сверху корзиночку прикрыл. Надел чистую рубаху, шёлковым пояском подпоясался. Взял в руки корзиночку и отправился к царю. Идёт, а сам всё о хворой царевне думает, жалеет её. Только за околицу вышел — навстречу ему старичок идёт. Наш молодец шапку с головы снял, поклонился старичку и сказал:

— Здорово, дедушка! Мир тебе, дорогой.

— Здорово, дитятко моё ласковое. Куда же, это ты, дитятко, идёшь? И что в корзиночке-то несёшь?

— Ох, дедушка! Не знаю, как и сказать тебе. Ведь иду к самому царю, а донесут ли меня ноги,— не знаю. Так-то боязно мне!

— А ты, дитятко, не робей! Как идёшь, так и дойдёшь, мой ласковый. Ну, а в корзиночке-то что у тебя?

— Я, дедушка, яблочко царю несу.

— Да на что же царю твоё яблочко? У него своих много.

— Ох, дедушка, неужто ты не слышал ничего о беде царя? Рассказал тут молодец старичку про лютую болезнь царевны, про то, что суждено ей поправиться только от сладкого, исцеляющего яблочка. Показал он старичку и яблочко своё...

Выслушал его старичок и на яблочко глянул, да и молвил:

— А что же, дитятко, может, и впрямь царевна поправится от твоего яблочка, коли то ей на роду написано.— Сказал так-то и пошёл своей дорогой. Ну, а молодец пришёл к палатам царским, доложили о нём царю. Велел царь прежде проверить: яблочко ли он принёс, а уж потом вести к нему молодца. Проверили слуги, повели молодца к царю, сказали ему, что у молодца в корзиночке и впрямь яблочко, да красивое, душистое.— Ну,— говорит царь,— покажи мне своё яблочко. Поклонился молодец царю в пояс. Открыл своё яблочко. И прежде чем увидеть яблочко, почуял царь дух-то яблочный. Встрепенулся царь, глянул на яблочко, а оно лежит в корзиночке всё соком налитое, румяное... Так в рот и просится! Тут царь заспешил:

— Пойдём-ка, молодец! Пойдём-ка скорей к моему дитятку болезному! Может, поможет ей твоё яблочко! Может, захочет она его хоть в руки взять! Может, хоть кусочек от него откусит!.. Идёт царь с добрым молодцом, несут царевне яблочко. А дух-то от него вперёд бежит. Подошли они к опочивальне царевны. Вздохнула она в это время и почуяла запах того яблочка. Глаза открыла царевна, приподыматься стала...

Отворил царь двери — да и замер на пороге: царевна приподнялась, глаза у неё открыты, руки она к яблочку тянет... Вынул добрый молодец из корзиночки яблоко, вложил царевне в руки. И такая она была исхудавшая, бледная, так ему жалко её стало, что ни то что яблочко, а и своей жизни бы он не пожалел, только бы царевна поправилась... А царевна взяла яблочко, поднесла его к губам, откусила кусочек, улыбнулась, и щёчки-то её белые чуть розовесть стали. А она, голубушка, уже и второй кусочек яблочка откусила и села на постели. Губы её заалели. Спешит, кусочек за кусочком откусывает царевна... Как до половины яблочка доела, так и ноженьки с постели спустила. Царь, глядя на неё, твердит:

— Доченька моя, доченька!..

По щекам его слёзы радости бегут, а он и не замечает их. А царевна говорит:

— Батюшка, а ведь я одеваться хочу! Тут мамушки, нянюшки с сарафанами, с сапожками, с кокошниками набежали. Стали царевну одевать...А она яблочко из рук не выпускает. А как доела его, встала с постели на резвые ноженьки да и говорит:

— Батюшка, а ведь я здоровёшенька! Хоть плясать иди!..

— Дитятко ты моё ненаглядное! — говорит тут царь,— да уж и я с тобой спляшу! На твоей свадьбе спляшу — ведь ты у меня невеста просватанная!

— Что ты, родимый батюшка, за кого же я просватана? Молвил царь:

— Да вот же твой суженый! От его яблочка ты поправилась! — и показывает он царевне на доброго молодца. А у доброго молодца и в мыслях того не было. Вспыхнул он, что заря алая, глаза опустил, в руках шапку мнёт, не знает, что и делать, куда деваться... Смотрит на него царевна, и такой-то он ей хороший кажется... Взяла она его за руку, подводит к царю-батюшке и говорит:

— А и люб он мне, родимый батюшка! Пойду за него вольной волюшкой, с радостью! И обвенчали брата младшего с царевной-красавицей. И так-то они счастливо жили, так поминали добрым словом старушку старую, что про яблочко царю сказала, — что люди, глядя на них, радовались, друг другу про них рассказывали. Так-то вот и сложилась эта сказочка про чудесное яблочко, про доброго молодца, да про то, как удалось победить горе горькое... Давно это было. Уже давно и нет их на свете, а сказка живёт.